

МЕЧТАЮ И ВЕРЮ

КАК ЧЕЛОВЕК, живущий больше эмоциями, чем рассудком, я не перестаю удивляться обычному тому, например, что ежегодно наступает май и расцветают липы...

Легко себе представить, как удивляюсь я каждый раз тем воздушным прыжкам, которые при помощи ковров-самолетов, именуемых лайнерами, совершаются из одной части света в другую: поднявшись в 10 часов утра с Шереметьевского аэродрома в Москве, мы, группа актеров Московского Художественного театра, уже в 23 часа 20 минут (по московскому времени) приземлились на аэродроме Кеннеди в Нью-Йорке... Парасадка в Амстердаме произошла так быстро, что не было даже возможности полюбоваться знаменитыми голландскими тюльпанами и гиацинтами...

Латали за океан мы еще зимой, но я вспоминаю об этом в мае, потому что человеку свойственно говорить о своих сильных впечатлениях, а гастролы нашего театра в Америке в моей памяти еще очень свежи...

Декорации наши тоже вполне благополучно прибыли в Соединенные Штаты теплоходом, но в то время беговали американские докеры... Наши декорации, однако, были выставлены на берег—это был, кажется, единственный груз, выгруженный докерами за время забастовки.

Это был первый знак гостеприимства американского трудового народа, первый знак уважения и симпатии к нашему народу, к нашему искусству... Не могу об этом не вспомнить в дни первого майского праздника, когда все трудовые люди земли как бы обмениваются дружеским рукопожатием.

В Нью-Йорке играли мы в огромном, почти на три с половиной тысячи мест, выстроенном в мавританском стиле «Сити-Сентр». В театре этом, как, впрочем, во многих зарубежных театрах, удобно зрителям и неудобно актерам: гримуборны, выходы на сцену—все плохо оборудовано... Но главная беда—слишком большое количество зрителей, которые, кстати говоря, тоже теряют на этом: не все имеют возможность оценить тончайшее кружево мастерства, не все видят глаза актеров, а видеть глаза чрезвычайно важно—в них иногда не меньше мыслей и чувства, чем в словах...

Очень трудно в таком большом зале включить зрителя в происходящее на сцене, взять в плен их внимание. И однако огромный зал, хотя мы играли утром и вечером, был переполнен. Приезжали посмотреть спектакли даже из других городов, как, например, группа актеров русского театра из канадского города Монреаль.

Но самая серьезная трудность заключалась в том, что впереди нас ждала молава: того, совершившего в 1923—1924 гг. триумфальное шествие по городам Америки МХАТа больше не существует, осталось некое подобие музея имени великого Станиславского. Мы об этом знали и были полны решимости опровергнуть подобные заблуждения...

Вместо наушников, которыми пользуются в наших радиофицированных театрах, в «Сити-Сентр» применяют транзисторы. Мы заметили, что на всех спектаклях («Мертвые души», «Вишневый сад», «Три сестры», «Кремлевские куранты») от транзисторов довольно скоро отказывались. Видимо, то, чему научили нас Константин Сергеевич и Владимир Иванович, то, что стараемся мы передать нашей молодежи, было

действенное то, что излагали добросовестные переводчики. Видимо, происходившее на сцене было и понятным, и волнующим, и увлекательным...

КОГДА В СПЕКТАКЛЕ «Кремлевские куранты» нью-йоркцы впервые увидели Ленина, это произошло на них громадное впечатление. И зрительские симпатии, которые завоевал Борис Смирнов, свидетельствовали о том глубоком уважении, которое испытывают люди к самой личности великого вождя революции.

На всех без исключения спектаклях зрители реагировали на самые тонкие нюансы актерской игры. Даже политики некоторых актеров пользоваться противоположенным мхатовской школе приемом, «подавать себя», выделяя тем или другим способом из ансамбля, не прошли незамеченными ни публикой, ни прессой... И не с пользой для этих актеров.

Печать в Америке очень оперативна. Через несколько часов по окончании нашего первого спектакля «Мертвые души» мы уже имели газеты с рецензиями. К высказыванию критиков прислушиваются. И не только завзятые театралы и знатоки: наутро после первого спектакля хозяин расположенного в вестибюле газетного киоска стал заметно любезнее. Он улыбался и повторял полюбопытшавшему ему русское слово: «Здорово!». Словом, мне кажется, что с американскими зрителями мы поладили!

Пресса тоже оценивала наши гастролы восторженно. Прилагательные в статьях и рецензиях использовались только в превосходной степени. Среди немногих недоброжелательных выступлений проскальзывала, правда, иногда и «критика», критика с позиции побежденных, побежденных в борьбе за общественное мнение о нашем творчестве.

Актеры и режиссеры МХАТа встречались с театральными деятелями и любителями искусства, рассказывали о Станиславском, о системе, которую некоторые во американские почитатели в бесчисленных своих студиях поставили с ног на голову, позабыв, видимо, о том, что система—это непрерывные эксперименты, вечное движение, вечные поиски.

Наши идеалы, цели, стремление к миру и прогрессу, все добрые дела и намерения советских людей завоевывают сердца и умы людей всего мира. Количество наших друзей на планете увеличивается с каждым днем. Этому помогает и наше искусство. Помогают Гоголь, Чайковский, Чехов, Горький, Погодин, Шостакович, Станиславский...

У СЕБЯ ДОМА мы можем, и не только можем, должны предъявлять и своему искусству самые высокие требования—иначе мы остановимся на месте. А остановиться на месте, значит, пойти назад,—это все мы слишком хорошо знаем. Однако, бывавая в Лондоне, Токио, Нью-Йорке, даже в избалованном музами Париже, я с чистым сердцем могу сказать: советский театр—лучший театр мира. И большинство зрителей на всех континентах разделяют это мнение.

Весной все становится мечтательным. Мне хочется мечтать о новых великих режиссерах, актерах, драматургах... Весной заражаются оптимизмом даже наиболее критически настроенные люди, и хочется не только мечтать о новых художественных потрясениях и взлетах, хочется твердо верить, что они будут.

Мечты и вера очень помогают творчеству.

Алексей ГРИБОВ,
народный артист СССР

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

МАЙ 1965